

18+

ИСАБЕК АШИМОВ

Воскрешенное имя

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Исабек АШИМОВ

**Воскрешенное имя. Научно-
фантастический роман**

«Издательские решения»

Ашимов И.

Воскрешенное имя. Научно-фантастический роман /
И. Ашимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-643150-8

Что важнее в клонировании человека? Воскрешение тела или памяти? Можно ли воскресить генную память у клона? Выдуманная история одного клонирования со сводом завуалированных намеков на опасные последствия клонирования личностей. Ученые намеривалась клонировать Ибн Сино, а волос как материал для клонирования оказывается принадлежал его помощнику. Тем не менее, назвать их попытку фатально неудачным не приходится, так как таким образом было воскрешено имя дервиша Хиссо Хошм — книгоноши Ибн Сино.

ISBN 978-5-00-643150-8

© Ашимов И.
© Издательские решения

Содержание

К ЧИТАТЕЛЮ	6
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1	10
ЗАРОЖДЕНИЕ МЫСЛИ О КЛОНИРОВАНИИ	11
Неизвестный портрет	12
Зарождение идеи	17
Памятник и клон	19
Разумный оптимизм	23
Религиозный догматизм	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Воскрешенное имя

Научно-фантастический роман

Исабек Ашимов

© Исабек Ашимов, 2024

ISBN 978-5-0064-3150-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К ЧИТАТЕЛЮ

Книгу, которую вы держите в руках, моя 35-я по счету. Как правило, при подготовке книг (компановка материала, компьютерный набор текст и его верстка, литературная правка и коррективировка и пр.) обходился без помощников. В компьютерный век, готовить и издавать книгу не так сложно, как это было, скажем, даже десять-двадцать лет тому назад. Представьте себе, какие трудности были с этим делом тысячелетия тому назад, скажем в эпоху Абу Али Ибн Сино. А ведь по данным иранского учёного Саида Нафиси, известны 479 сочинений Ибн Сино. Разумеется, были у него многочисленные переписчики и переводчики его книг. Честь и хвала им, так как благодаря им, Ибн Сино удавалось плодотворно готовить и издавать свои многочисленные произведения. И вот еще что. Как известно, Ибн Сино много лет скитался по всей Центральной Азии и Среднему Востоку и, надо полагать, были у него хранители, переносчики и распространители его книг. Данная моя книга посвящается именно таким вот, вероятным, но безымянным помощникам Ибн Сино, благодаря которых и состоялась своеобразная «переключка веков» в мировой научной сфере.

Подтекст романа заключается в следующем: Локон волос, найденный между страницами одной из рукописей Ибн Сино, послужил исходным материалом для его клонирования. Однако, как это потом выяснилось, этот материал принадлежал его современнику – Хиссо Хошм – дервишу, который по воле судьбы долгие годы выполнял поручения Ибн Сино в качестве переносчика его книг. Это удалось выяснить путем «прочтения» генетической памяти этой личности, то есть воссоздания в его памяти былых событий с помощью уникального метода «нейровстряски», основанного на принципах оптогенетики. Разумеется, такая технология, как «задумано» в романе – маловероятно. Но... интересен путь к ней, поиск идей и технологий, связанных с воскрешением памяти. Таким образом, Хиссо Хошм оказался очевидцем жизни и деятельности Ибн Сино. Восемь его встреч с Ибн Сино оказались судьбоносными для обеих.

В данной книге автор приводит выдуманную историю одного клонирования, которая может составить некоторый свод завуалированных намеков на такие постулаты, как «нет гарантий от опасных или нежелательных последствий». Фабула романа – драма трех ученых – Айман (генетик), Садыр (биолог), Раим (психоневролог), которые намеривались клонировать Великого Абу Али Ибн Сино, а клонировали совсем другого человека. А если клонировали бы тирана, палача, маньяка? Однако, назвать их попытку фатально неудачным не приходится, так как, таким образом, была «воссоздана» новое имя в биографии Ибн Сино. В романе, диалоги ученых, это не столько фабульные элементы романа, сколько своеобразная технология «продвижения» в умах и сердцах проблемы клонирования человека, переноса его сознания. Можно ли клонировать великих личностей? Каковы последствия клонирования? Вот так клонирование Хиссо Хошм и воспроизведение генетической его памяти станет предметом философского эксперимента. Давайте рассуждать вместе и искать ответы на вопрос, – говорим мы.

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Она может привлечь внимание философов, интересующихся как биоэтической проблемой, так и методологической проблематикой клинической медицины, научных работников, интересующихся вопросами теории познания и социализации врачебной деятельности, а также врачей всех специальностей и студентов.

Все события, персонажи, имена – вымышлены, а любые совпадения – случайны. Допускаю, что сюжет книги получился «разрисованным», но, однозначно, в нем нет бытовой приземленности. Такой подход оправдан во имя раскрутки интересной научной проблемы, связанной с кардинально новой технологией, а именно клонированием человека.

Исабек Ашимов

ПРОЛОГ

2016 г. Бишкек. Кабинет директора частной психоневрологической клиники – Курбанова Раима Сеидовича – психоневролога, автора уникального метода нейровстряски. Он сокурсник Айман и это он, по ее и Садыра просьбе, разработал индивидуальную программу нейровстряски у Хусейна. Всех троих связывает давняя дружба, а также вся задумка, обоснование и реализация того самого экспериментального клонирования.

– Садыр, Айман. О сути моего метода нейровстряски вы осведомлены. Тем не менее, вкратце, напомню вам следующее. В отличие от традиционной электроэнцефалографии и функционального магниторезонансного сканирования головного мозга, мой метод отличается, во-первых, более высоким уровнем «разрешения», а, во-вторых, более четким алгоритмом чтения памяти. Понятно?

– Угу...

– Иначе говоря, мой метод позволяет, во-первых, активизировать глубинную память человека, а, во-вторых, «расслышать», как нейроны говорят на своем импульсном языке. Понятно?

– Да.

– Для воспроизводства памяти используется самая совершенная технология оптогенетики. При этом электроды вводятся в ткань головного мозга с помощью сканиограммы. Меняем соматосенсорный статус испытуемого.

– А дальше?

– Затем, испытуемому внутривенно вводится раствор с нейротрансмиттером. Тем самым вызывается возбуждение нейронов на уровне нейронных цепей. Понятно?

– То есть активизируется нейронная связь?

– Да. Напоминаю снова, исходным является то, что память, записанная в ДНК можно активизировать, если воспроизведена точная копия этой ДНК в клоне. По сути, тело и мозг клона должны помнить все, что было с ними в оригинале.

– То есть, они помнят то, что когда-то было естественной данностью для оригинала, – уточнил Садыр.

– Да. Посредством химического влияния на организм в сочетании с глубоким гипнозом по собственной методике, мы сейчас вызовем в организме клона, то есть Хусейна, шоковое состояние. В результате такой встряски произойдет пробуждение молекулярной памяти бытия, его истинной сути и истории. Понятно?

– Угу... То есть, «встряска» памяти – это следствие искусственного стресса для мозга и тела Хусейна, – вновь уточнил Садыр.

Раим недоверчиво оглянулся на Садыра. В его взгляде читалось недоумение – мы же обсуждали технологию встряски?!

Садыр, уловив упрекающий взор Раима, поправился. – Извините коллега! Это от волнения.

Раим продолжил свое пояснение. – Коллеги! Все ситуации, которые пережил его «первоначало», то есть донор генетического материала, подлежат восприятию и осознанию со стороны его клона. Исходным является то, что тело и мозг, предположительно Ибн Сино, уже прошли сквозь времени в «чреве» клонированного материала донора, то есть Хусейна, а теперь его память должна разобраться в дебрях прожитой жизни, побывать в той ситуации, в которой бывал «хозяин» донорского материала, то есть предположительно Ибн Сино. Понятно?

– Угу.... Итак, жизнь Ибн Сино, то есть жизнь донора клонированного материала, как калейдоскоп должен пройти перед его глазами? – спросила Айман.

– Да. Клон, то есть Хусейн должен осмыслить навеваемое ему генетической памятью воспоминания, что подсказывает ему вызываемая память. Не забывайте, что клон восстанавливает свою память и выбирает свое «Я» в хронологии десятки лет. Понятно?

– Да.

– Итак, главная наша задача заключается в том, чтобы расшифровать и услышать внутреннюю речь Хусейна.

– То есть его воспоминания?

– Совершенно верно. Причем, не только те воспоминания, которые реальны для его возраста.

– Как? – удивился Садыр.

– Так, как чтение памяти происходит на уровне ДНК-памяти, мой метод позволяет прочесть «всю память», записанную на ДНК.

– То есть от рождения до смерти? – с удивлением спросила Айман.

– В принципе, да.

Уточнив еще некоторые детали нейровстряски, все трое прошли в кабинет гипнотерапии. Он представлял собой небольшое звуконепроницаемое помещение с черными стенами. Полумрак. Хусейн находился в глубоком кресле в полулежащем положении. Глаза закрыты черной повязкой, на голову натянута резиновая шапочка, как у пловцов, с многочисленными электродами, соединенными с компьютерной установкой. На широком мониторе на стене отслеживаются волны мозговой активности. Налажена система внутривенного вливания. У изголовья испытуемого встал Раим.

– Уважаемые коллеги! – обратился он к Садыру и Айману, которые расселись справа и слева от Хусейна. Можно начинать?

– Ну, с Богом! Раим Сеидович, начинайте! – с готовностью ответил Садыр.

– Итак, процесс нейровстряски начался, – объявил Раим, после введения раствора в систему и нескольких гипнотических пасс. Хусейн успокоился, закрыл глаза и расслабился.

– Уважаемые коллеги! – Раим посмотрел на Садыра и Айман, которые напряженно следили за реакцией подопытного. – Хусейн уснул, но его головной мозг бодрствует. Спрашивайте своего клона!

А спрашивать было чего. Айман и Садыр переглянулись, кто и с чего начнет? Видя их нерешительность, Раим предложил свой вариант.

– Айман, Садыр. Давайте я буду расспрашивать Хусейна, так как, я все-таки психоневролог с большим опытом гипнотерапии. А вы будете мне подсказывать, о чем спрашивать его? Пойдет?

– Да, да, – одобрительно закивали Айман и Садыр.

– Неужели нам удастся «оживит» генетическую память у клона? Неужели клон окажется не тем, кого хотели бы мы «получить»? А если это не клон Ибн Сино? Тогда чей же мы получили клон? Вот такие сомнения теснились в мозгу всех трех исследователей: Айман Темирбековны Каримовой – опытного медицинского генетика, сотрудника Института генетических исследований; Садыра Сапаровича Касымова – доктора наук по молекулярной биологии, сотрудника Лондонского Института клонирования, члена Королевского колледжа; Раима Сеидовича Курбанова – опытного психоневролога, кандидата медицинских наук.

На что они надеялись? Что они ожидали от такой нейровстряски? Всех обуревала надежда – прояснить ситуацию с клоном. Чей он? А что если это клон какого-либо негодяя, социопата, тирана, маньяка, серийного убийцы, разбойника? Уже много дней, все трое горячо обсуждали возникшую проблему. И вот, сегодня решающий день. Ведь ещё в начале двадцатого столетия учёные считали, что младенец, появляется на свет с чистой памятью, но уже сегодня многочисленные исследования доказывают, что память эмбриона формируется приблизительно через двадцать недель после зачатия. Между тем, это генетическая память! –

А как быть с феноменом «дежавю», то есть с феноменом «это уже было»? Ведь это тоже генетическая память! А как быть с памятью подсознания? Ведь учёные подтвердили, что такие фокусы памяти на самом деле действительно могли происходить с нами в прошлой жизни, или же «записались» в памяти от опыта наших предков.

– Надежды, сомнения, тревога, ожидания... У исследователей в мозгу происходили своеобразные «встряски», как поется в известной песне – Новый поворот? Что он нам несет? Гибель или взлет?... А Айман, смотря на Садыр и Раим, прочувствовала в сердцах. – Бедные вы мои! Вы ни в чем не виноваты, это моя авантюра, а вам зря мучится и сомневаться.

Каждого одолевали сомнения. Но в какой-то момент, каждый для себя решил: «Мы делаем то, что делаем!». У них появилась уверенность, хотя слабая. Никакого другого сознания и мыслей они пытались не допускать. Они почувствовали некую силу, способную перевесить все сомнения. Хотя каждый из них почувствовал, как в их объединенное, испуганное сознание ворвалось утешение «Победителей не судят!». Отсюда, ожесточение, холодный расчет. Все молчали. Хотя, по краям их молчания затаился страх. Они понимали, что они первые в намерении воссоздать личность такого масштаба. Безусловно, за ними будут новые личности, созданные по такой технологии, а их воспоминания и способности будут усилены личностью – лучшей личностью, какую только могут воскресить через клонирование или породить новую.

ГЛАВА 1

ЗАРОЖДЕНИЕ МЫСЛИ О КЛОНИРОВАНИИ

Неизвестный портрет

2000 год. Исфана. Накануне Айман проездом из Душанбе заехала в Исфану провести мать и родственников.

Айман проснулась от шума во дворе. Прислушалась. – О, это Назым-апа, – узнала по голосу. – Как всегда веселая, шумливая.

– Ассалому-Алейкум! Да, будет мир вашему дому!

– О, Назым. Алейкум-ассалом! Мир и вашему дому, – поприветствовала мама. – Пройди, пожалуйста!

– Прослышала, что приехала наша долгожданная дочка, вот и решила с утра пораньше провести ее, – слышался громкий голос Назым-апы. Однако, спохватившись, она почему-то перешла на шепот.

– Тсс! Наверно, наша ненаглядная спит с дороги. Пусть поспит. А мы пока поговорим о том, о сем.

– Да. Айман еще спит. Ну, пусть еще немного поспит, а пока мы попьем с вами чаю, – зашебетала мама, расстилая на топчане курпачу. – Проходите, пожалуйста, вот сюда.

Айман сладко потянулась. Как хорошо быть дома. Вокруг все родное, тихо, уютно. Вставать не хотелось, но и спать тоже. Оглянулась вокруг. Все по-прежнему. Резной фанерный потолок, старинные часы с боем, большое, потускневшее от времени зеркало, обклеенный по краям старыми фотографиями, также пожелтевшими от времени. Справа от зеркала на стене висит гравюрный портрет Ибн Сино в деревянной рамке. Айман невольно задержала взгляд на нем.

– Боже мой! Этот портрет здесь вот уже полвека, – невольно охнула она, силясь вспомнить. – Какой же был год, когда отец привез его из Ленинабада? Кажется, это было в 1970 году. Да, точно! Я в тот год пошла в первый класс, – наконец, вспомнила она. – Боже мой! Как быстро летит время, – взгрустнула она, вспоминая те года. Отцу было тогда чуть больше сорока лет. – Бедный отец, – с грустью вспоминала Айман. – Вначале, мама и мы дети, посмеивались, зачем вешать дома, тем более на самом видном месте, в гостиной, портрет какого-то неизвестного старикашки в чалме. Выйди из дома и вокруг сколь угодно стариков с такой внешностью и даже более колоритных, в сравнении с ним, как по чертам лица, так и по бороде и чалме, – недоумевали мы.

Помнится, мы все допытывались у отца, чей это портрет? Отец пожимал плечами. Просто понравился, потому и купил на базаре, – был его ответом. – Продавец, у которого я купил портрет, сам не ведает, кто на самом деле изображен на портрете, – как бы оправдывался он.

Лишь спустя года два, мама поведала нам, что человек, изображенный на портрете, оказался вашему отцу похожим на его отца, который умер еще тогда, когда ему исполнилось всего четыре года. Мать вашего отца умерла год спустя и, с тех пор, отец ваш рос сиротой на попечении своей тети, – поведала тогда мама.

Глядя на портрет, у Айман нахлынули воспоминания об отце. – О, бедный отец. Мы же не догадывались о том, что этот портрет напоминал ему родное лицо отца, которого потерял в раннем детстве. Но, разве мог он в четырехлетнем возрасте запомнить его лицо? Конечно же, нет. Он, хоть как-то пытался представить себе образ отца, представив его таким, как выглядел старик, изображенный на портрете. А мы даже не догадывались о том, что это была его ностальгия по умершему отцу. У Айман навернулись слезы на глаза. Смахнув слезы она внимательно посмотрел на известный профиль великого Ибн Сино.

Судьба сложилась так, что в последующие годы вся деятельность Айман в той или иной мере тесно переплелась с именем этой великой личности. Потом уже она окончательно уверится в том, что этот портрет Ибн Сино был, безусловно, самым удачным. В ее памяти много

других портретов этого гения, но почему-то ей казалось, что на этой гравюре изображен самый настоящий Ибн Сино.

Айман задумалась. – Интересно, Каким же все-таки он был внешне? Жаль, что никакие исторические источники не в состоянии ответить на этот вопрос. Сочинения Ибн Сино переиздавались по всему миру, а вот достоверного портрета прославленного гения не было. А ведь истории известны сорок портретов, разосланных в свое время султаном Махмуд ибн Насир-ад-Дин во все концы Средней Азии, Ирана и Афганистана для поимки непокорного Ибн Сино. Однако все они давно истлели и исчезли. Ей вспомнилось, что одна из восточных миниатюр, датированная XIII – XV веками, представляет Ибн Сино стоящим на ковре у постели больного. Черты его лица, как и других персонажей миниатюры, типично монгольские – скуласт, узенькие глаза прикрыты кожными складками.

Где же она видела этот портрет? – силилась вспомнить она, предполагая. – Кажется, это картина была в музее в Иране. А вот в Душанбе на миниатюре, лицо у Ибн Сино продолговатое, с острыми чертами, длинный нос свисает над верхней губой, глаза узкие, борода клинышком падает на грудь. В другом музее, кажется, это было в Варшаве, на холсте художник XVII века, представил Ибн Сино человеком дородным, с полным лунообразным лицом, с коротким носом и густой окладистой бородой.

Действительно, кому же из художников верить? Оказывается, такая постановка вопросов прозвучала еще в 1954 году на международном конгрессе в Тегеране, посвященном тысячелетней годовщине со дня рождения Ибн Сино. Тогда делегация советских ученых подняла вопрос о том, что необходимо создать его точный, документальный портрет. И вот, когда в Хамадане сооружали новый мавзолей Ибн Сино, ученым пришлось вскрывать его могилу. Иранский профессор Сайд Нафиси сделал несколько фотоснимков с его черепа. Этот документальный материал и поступил в лабораторию пластической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР. Атропологу М. М. Герасимову удалось восстановить настоящий облик Ибн Сино. На портрете чуть горбоносое лицо человека с правильными, красивыми чертами, лицо, характерное для таджиков или узбеков со своим разрезом открытых, чуть выпуклых глаз с тонкими веками.

– Ну, точь-в-точь, как на портрете, который висит на этой стене, – почему-то радовалась Айман. На этом изображении ее всегда поражали светлый взгляд и ясные очи Ибн Сино. Она, невольно, как и раньше, залюбовалась портретом. Достойное лицо – достойного гения! – воскликнула она и рывком поднялась с постели. Подошла к окну, распахнула его и громко поздоровалась с ранней гостьей – Назым-апой, которая расположилась на топчане под виноградником.

– Здравствуйте, дорогая Назым-апа!

– О, здравствуй доченька! С приездом! Извини меня старую, я тебя разбудила. Ну, не могла я дожидаться, когда ты выплывешь, – извинялась Назым-апа.

– Нет, что вы. Я уже проснулась и сейчас выйду к вам. Я так соскучилась по вам. Я сейчас.

– Дайка, я тебя разгляжу, – заулыбалась и засуетилась Назым-апа, увидев в дверях Айман. – Ну, тебя – моя ненаглядная, года не берут, ты такая же красавица, какой была всегда, – щебетала Назым-апа, обнимая и целуя Айман.

– А помнишь, когда я пришла невесткой в дом твоей дядюшки, ты была совсем девчушкой? – спросила Назым-апа, не давая Айман даже опомниться. – А помнишь, ты ни на шаг не отходила от меня, находясь со мной за кушагу (покров)? По сути, тогда через тебя, я и смогла обо всем узнать, о новой родне, о традициях в доме.

– Да, я помню то время. Вы были тогда красавицей и все мне завидовали – вон какую невесту-красавицу отхватил твой дядя, – засмеялась Айман.

– Да и сейчас, Назым-апа сохранила былую красоту, – смеялась мама.

– Да брось Саида. Какая уж там красота. Наши годы прошли, как мгновения и уже давно я старуха.

– Назым-апа. Как здоровье? Как дети и внуки? – спрашивала Айман.

– Держусь доченька, а иначе нельзя. Ведь на моем попечении восемь внуков и внучат. Все дети, кроме Садыра, выехали в Россию на заработки. Садыр, сама знаешь, раз в два-три года заскакивает и то всего на недельку, не больше.

– Ну, дай вам бог здоровья и терпенья тоже, – засмеялась Айман.

– Спасибо, доченька! Я очень обрадовалась, когда услышала, что приехала к нам в отпуск. Как долго ты пробудешь здесь? – спросила Назым-апа.

– Назым-апа. Я проездом. Возвращалась с Душанбе, где побывала по своим научным делам. Послезавтра вылетаю в Бишкек.

– Ой, а что так скоро?

– Дела, дела, Назым-апа, – смеялась Айман.

– Жаль. Все вы такие. И Садыр все по своим научным делам. Он, как и ты, разъезжает по белу свету. Иногда звонит то из Китая, то из Америки. А на днях позвонил аж с Австралии. Но, где бы вы ни были, желаем вам здоровья и благополучия. А мы вот доживаем свой век, – с грустью протянула Назым-апа.

Видя перед собой уже старенькую маму и Назым-апа, у Айман защемило сердце. Как быстро летит время. Помнится, какие они были молоды, весело и страстно танцевали на тоях. Айман вспомнила той, которого закатил отец в честь ее окончания средней школы. Как грациозно танцевали мама, Назым-апа, женщины-соседки. Вот было веселье. То было время, когда ей казалось, что весь мир под ее ногами. Школа позади, а впереди целая жизнь.

Для того тоя был и другой повод. Айман в числе лучших учениц школ области, отмеченных золотой медалью, посылали в Душанбе на открытие памятника Ибн Сино. Она, уже будучи известной ученой, через много лет вспоминает это событие с особой теплотой и гордостью. Еще бы, окончила школу с золотой медалью, поездка в Узбекистан.

Кстати, в Бухаре, во время открытия юбилейной научно-практической конференции в зале государственной филармонии, она впервые увидела тот самый портрет старика в чалме, который висел у них дома. Портрет был невероятно больших размеров и занимал весь задний фон огромной сцены филармонии. Со сцены на него смотрел такой близкий и родной человек, черты которого были до боли знакомые ей с раннего детства. Вот чей оказывается портрет, – удивилась тогда Айман. – Значит все эти годы в доме висел портрет великого Абу Али Ибн Сино.

Помнится, делегацию на автобусе повезли в поселок Афшона, где тысячу лет тому назад родился Ибн Сино. Посетили мемориальный комплекс, куда входил музей и гранитный памятник во весь рост, построенные к тысячелетнему юбилею ученого-энциклопедиста. Памятник впечатлял своими размерами. Однако, самым выразительным среди множества памятников Ибн Сино, Айман все же считала памятник, поставленный в Киеве. Она принимала участие при открытии этого памятника в 2012 году. Но почему-то на табличке было написано «Великому персидскому ученому-энциклопедисту, философу, врачу, химику, астроному, теологу, поэту Авиценне». Почему персидскому? Он же наш – центральноазиатский, – возмутилась она. Помнится, она обратилась в мэрию, где пообещали рассмотреть этот вопрос.

Айман понимала, научный подвиг этого великого ученого-энциклопедиста не может не вызывать у людей особого чувства признательности. Одним из выражений такой признательности и свидетельством неиссякаемого интереса к наследию мыслителя явились памятники Ибн Сино, открытые во многих городах мира. Уже в последующем, когда Айман завершит обучение в институте и поступит в аспирантуру и, когда она определится с темой кандидатской диссертации «Антропологические взгляды Ибн Сино», она поймет, что, вероятно, так происходит переключка веков. Потому что, когда мы обращаемся к литературному или научному

памятнику, мы не только питаем свою любознательность, но и черпаем из него главное, всегда остающееся современным, – его гуманистическое содержание. В этом единство культуры – той «энергосистемы», в которую одновременно «подключены» и мыслитель, живший тысячу лет назад, и мы, – думалось Айман.

Глядя на Назым-апа, Айман вспомнила один эпизод. Тогда она только-только закончила восьмой класс. На летние каникулы приехал младший сын Назым-апа – Садыр. Он был уже студентом биофака МГУ, куда поступил в прошлом году после окончания школы-интернат во Фрунзе.

Садыр – высокий, статный и черноволосый молодой человек, резкие черты лица – большие иссиня-черные глаза, слегка горбатый нос, выдающейся скулы, а также слегка кудрявые волосы делали его непохожим на кыргыза. Скорее он был похож на таджика. Об этом говорили все и всегда. Мама как-то говорила ей, что когда он родился, его отец – Эргеш-ава, которая приходится Айман двоюродной дядей, закатил скандал тете Назым. Мол, ребенок родился не от него. Как же так, он типичный кыргыз, жена его – тоже, а новорожденный сын вылитый таджик, – горячился он. – Ну, посмотри сама, – возмущался Эргеш-ава. Он успокоился лишь тогда, когда его родственник Ахмат-ака – врач районной больницы, популярно объяснил ему, что бабушка тети Назым была таджичкой. Мол, гены от нее сохраняются в роду из поколения в поколение и могут проявиться спустя года и десятилетия, как в случае с новорожденным. Вот тогда Айман впервые обратила внимание на такие понятия как гены, наследственность. Дальше-больше. Она целенаправленно изучала все, что связано с генетикой, а к моменту окончания средней школы, Айман уже твердо намеревалась поступить в медицинский и заняться всерьез генетикой. Она казалась ей самой главной наукой будущего.

Вот и прозвенел последний звонок. Школа закончена. После выпускных экзаменов одноклассники разлетятся кто куда. У каждого свои намерения, мечты, надежды. Кто-то останется здесь, кто-то поступит в институт или техникум. Это как повезет. Если не повезет, то ребятам светит армия, а девушкам – замужество, семья, дети, заботы. Айман догадывалась и даже знала наверняка, у кого какие планы на жизнь, кто кем наверняка станет, кто чего добьется в жизни. Но когда дело касалось ее самой, то кроме мечты стать ученым-генетиком, у нее ничего и не было. Готовилась поступить на мед, а Садыр все звал учиться на биолога в МГУ.

Каждому, кто заканчивал среднюю школу, знакомо чувство того, что весь мир кажется под твоими ногами, когда ты не думаешь о сегодняшнем дне, ты поглощен будущим, а будущее рисуется исключительно яркими красками научно-технического прогресса. Так и Айман мечталось, как она в будущем будет конструировать гены у людей. Разве отец и мать знали или догадывались о том, что страсть к познанию – вот что будет причиной всех ее бед и побед. Страсть к познанию – смесь взрывоопасная. Прошли годы, и теперь с высоты достигнутого, она вновь и вновь возвращалась к своей давней мечте – заняться генной инженерией.

После окончания института она постепенно начала подбираться к осуществлению той дикой идеи, что тогда еще не вызрела, а как-то вспыхнула в полубезумном бреде, обросла плотью, обрела скелет, он встал под ее святое знамя и поклялся сделать все, чтобы осуществить свою мечту. Шли годы...

Воспоминания прервала Назым-апа.

– Айман. Ну, расскажи о своей жизни. Нам ведь интересно, чем ты живешь, как ты живешь.

– О, Назым-апа. Ничего интересного. Ученые – народ скучный и кроме своих исследований ничем и не интересуются. Жизнь наша проходит в тиши кабинетов и лабораторий.

– Ну, скажешь Айман. Ты вот повидала весь мир. Ездишь по всему свету, общаешься с интересными людьми, видишь мир. Разве не так? – не унималась Назым-апа.

– Кому как, но мне кажется, что вся интересная и настоящая жизнь проходит мимо нас – ученых, – смеется Айман.

– Что да, то да, – со вздохом соглашается мама. – Лучше бы обзавелась семьей, детьми. Вон твои ровесницы женят сыновей, выдают замуж дочерей и даже имеют внуков и внучат, – как бы с упреком замечает мама.

Ее можно понять, – подумала Айман. – Вначале ей хотелось учиться, познавать, достичь своей мечты. Проходили года, ей многое удалось, мечты сбывались. Теперь она известный ученый, ну, а в жизни... В один момент она поймала себя на мысли, что жизнь действительно проходит мимо. Оглянулась, а молодость то прошла. Выйти замуж ей уже казалось страшно-ватой, да и зачем, когда впереди столько неисследованных областей, – успокаивала она себя.

Ей все чаще казалось, что вот-вот она лишь подошла к самому основанию некоторой горы, вершину которой ей предстоит еще покорить-познать. Скажи такое кому-то, ведь не поймут. Как это? Столько познать-постичь, добиться и вдруг... На тебе! Я нахожусь у некоего основания! А дальше что? Еще какие вершины?

Вдоволь поговорив с Назым-апа, мамой она решила пойти к чашме (родник), что было недалеко от дома. Именно там ей хорошо думалось.

– О, боже! Какая благодать! Родник был тот же, тихо журчит прозрачная вода, а на дне ручейка видны камешки, переливающиеся всеми цветами радуги. – О, боже, какая холодная вода, аж скулы сводит. Присев на валун Айман предалась размышлениям. О, сколько сокровенных секретов и мыслей в свое время она рассказала она роднику и на этот раз она невольно делилась своими сокровенными мыслями уже ученого человека, исследователя.

И в этот раз Айман поделилась с родником сокровенными мыслями. Мне уже пятый десяток лет, постепенно угасают волнения, силой твоей становятся приобретенные привычки и сознание, что нужно обобщать результаты своих трудов. А я берусь за сложный проект, за то, что следовало сделать в более молодые годы. Жаль, что я не старше лет на десять – я была бы уже пенсионеркой, а это удержала бы меня от таких намерений, на что я была нацелена. Эх, молодость! Ты так незаметно и безвозвратно удалилась, а ведь молодость ничего не боится, даже самое себя. Как жаль! – размышляла она.

Зарождение идеи

В 1990 году у Айман в жизни произошло важное событие. Она защитила кандидатскую диссертацию в Москве. Защита прошла в Институте генетических исследований. В конференц-зале многолюдно и царило непривычное оживление. На редкость было много приглашенных гостей, среди которых были профессора и академики Института антропологии, Института биологии, Института востоковедения. Естественно присутствовали сотрудники Института биологии Академии наук Кыргызстана. Из Лондона приехал Садыр, из Ирана профессор Наджми Селим? Из Таджикистана – профессор Соимназар Разви, из Узбекистана – профессор Абдулло Соидов.

Были восторженные отзывы о диссертации, о самом исследовательском предмете. Профессор Наджми Селим отметил, что актуальность исследования антропологических воззрений Абу Али Ибн Сино обусловлена тем обстоятельством, что динамическое развитие науки и техники на рубеже второго и третьего тысячелетий породило ряд проблем, угрожающих существованию человека как биологического вида, в том числе в результате генетических мутаций. А профессор Соимназар Разви подчеркнул, что научная мысль должна искать ответы на злободневные вопросы выживания человечества не только исходя из настоящего, но и опираясь на мудрость и жизненный опыт минувших эпох. В этом аспекте, творчество Ибн Сины, особенно его антропологическое учение, как раз и способствует нахождению ответов на вопросы, возникающие в процессе познания некоторых аспектов природы и сущности человека, и частично на глобальные вызовы современного мира.

Профессор Абдулло Соидов высказался о том, что проблемы природы, происхождения и сущности человека, а также смысла его жизни и совершенствования являются важнейшими антропологическими проблемами, поскольку они затрагивают бытийные основы его существования. Феномен человека предстает и в наши дни не только как многоплановая и, можно сказать, неисчерпаемая научная проблема, но и как актуальная практическая задача, связанная с сохранением человеческого рода.

В целом, защита прошла блестяще. Был банкет, приятные тосты, много рекомендаций, заверения об обязательной поддержке дальнейших исследований диссертанта. На душе было легко, светло, а как же иначе? Она смогла решить непростую задачу, внеся крупицу новых сведений о деятельности великого Ибн Сино. Разумеется, Айман распирала гордость за знаменитого восточного мыслителя, жившего и творившего тысячу лет тому назад.

После того, как проводили гостей, Садыр предложил пройтись по набережной Москвы-реки. Ночная Москва особенно красива. Хотелось петь во весь голос, безудержно плясать-прыгать. Им было хорошо в тот вечер. Друзья с детства, ученые со схожими взглядами, личности с родственными душами предавались мечтам, строили радужные планы на будущее. То было счастье, настоящий праздник души, праздник приобщения к деятельности великой исторической личности – Абу Али Ибн Сино. И в какой-то момент, наверное, в порыве эмоции, Айман призналась в сокровенном. Почему-то внезапно перейдя на шепот, – Айман сказала: – Садыр! А что если клонировать Ибн Сино?

– Ты о чем? – не понял Садыр.

– А что если клонировать Ибн Сино? – чуть громче произнесла Айман.

– Как? Зачем? Почему? Садыр ошарашено и с недоумением взглянул на Айман.

– Садыр. Дорогой мой Садыржан. Успокойся! Я еще не сошла с ума и говорю тебе вполне серьезно, – залепетала Айман. – Я генетик, ты – классный специалист по клонированию. Так?

– Так, – недоумевал Садыр, не веря своим ушам и оторопев от предложения Айман. –

Но, ты такое говоришь....

– Давай по порядку. Хорошо?

– Давай!

– Помнишь, когда я была в Иране по своей диссертационной работе, я заполучила доступ в музей Ибн Сино в Хамадане?

– Да, ты как-то писала мне об этом.

– Итак, слушай. В этом музее хранятся его книги в рукописном варианте. Так вот, моя задача была сфотографировать иллюстрации из книги «Каноны врачебной науки». Листая страницы, уже, вконец обветшавшего тома, вдруг между страницами обнаружила прядь волос.

– Что, что?

– Локон волос. Ты бы знал с каким волнением, я взял в свои руки эту прядь. – Неужели, это волосы Ибн Сино? О, боже! Неужели я держу прядь волос, принадлежащего самому Ибн Сино? – не переставая восхищалась я и удивлялась своей удаче. И что ты думаешь? Я решила сохранить эту прядь, как великую реликвию, положила ее в свой блокнот и с тех пор не расстаюсь с ней. Она для меня как талисман, в трудные минуты моя рука инстинктивно тянется к этому волосу. И сегодня утром, перед защитой, я прикоснулась к волосу, мысленно попросив у него удачи.

– А ты уверена, что волосы принадлежат Ибн Сино? – недоверчиво спросил Садыр. – Ведь его может оставить кто угодно – переписчик, переводчик, музейный работник или же такой же, как ты, исследователь.

– Нет, нет. Я уверена, это его волос, – горячо запротестовала Айман. – Жаль, что мы не знаем генетический набор Ибн Сино, а то бы враз можно было бы идентифицировать его по генетическому профилю.

– Итак, что ты предлагаешь?

Айман призадумалась и после некоторой паузы воскликнула: – Клонировать Ибн Сино! Да-да, клонировать!

Садыр, вначале не понял, шутит она или говорит всерьез. Чувствовалось, что он растерян, ошарашен намерениями Айман. В мыслях, конечно же, он был против. Разве можно, вот так, взять и клонировать человека? Просто, Айман слишком влюблен в Ибн Сино и такое высказывание всего лишь эмоции и эйфория, – подумалось Садыру. – Откуда у нее такие мысли? И только ли мысль? Если она возникла необъяснимым путем во мраке души, захваченной теперь уже не подвластным ей исследовательским настроением? Если это мысль, то что в ней? Истина или заблуждение?

Они долго еще шли по набережной, углубившись каждый в самого себя, каждому думалось нечто свое. А может быть, они думали об одном и том же? Клонировать Ибн Сино? Возможно ли? Как и каким образом? Возможно, они впервые задумались о вероятности такого. Кто знает. Но мысль эта, каким бы не казался фантастическим, несбыточным, уже заняла их умы. Оба они были по натуре исследователями, с незаурядными способностями, не обделенными научными страстями. А это, как известно, взрывоопасная смесь.

Шли годы.....

Памятник и клон

2001 год. Исфана. Айман приехала в отпуск. Так совпало, что и Садыр заехал домой на пару дней по пути в Китай. Красивый и просторный дом возвышается над быстрой речушкой, дом окружен небольшим садом и цветником, веранду затеняет виноградная лоза, в большой гостиной царит тишина, мягкая, как вата, которую делает еще более глухой дробное журчание воды в арыке. Они, два ученых, о многом переговорили в те дни, сидя в этой тишине, а также на долгих прогулках в тех местах, где прошло их детство. Побывали они и в родной школе. Как многое изменилось в Исфане.

В один из дней они проговорили много часов кряду, сидя на пригорке возле чашмы. Речушка, берущая начало от нее похожа на них, тихая, почти беззвучная. Садыр в то время уже был ведущим научным сотрудником лаборатории клонирования британского института биомедицины. Помнится, в первые годы работы, он взахлеб рассказывал Айман по телефону о новых экспериментах по клонированию. А она искренне радовалась его успехам и верила в то, что когда-нибудь он, безусловно, прославиться на весь мир, как прогрессивный ученый-биолог.

Помнится, разговор зашел о гранитных памятниках Ибн Сино. Таких изваяний в мире насчитывалось несколько десятков. Безусловно, они продляют память о нем навека. В этом смысле, памятники, как способ увековечивания великой личности, безусловно, нужны. А что если рассматривать их, как предтеча клонирования?

– Ты прав Садыр. Осознание человеком себя начинается с осознания телесности. Впечатления, память ужасно хрупки и неустойчивы, так что впоследствии люди замещают их созданием неких символов в виде памятников.

Ясно одно, телесность – это первое, что приходит на ум, когда достаточно ясно осознающий себя человек стремится проникнуть в свое отдаленное прошлое.

– В свое время, именно это подтолкнуло меня к проблеме клонирования, – горячо заговорил Садыр. – Накопление знания рано или поздно открывает перед нами новые печальные перспективы. Это касается старости и смерти, которые неотвратимы. Нужны более сильные средства, одно из которых – память. Ты понимаешь?

– Людская память, выраженная в памятниках?

– Нет. Память, как таковая. Собыр пустился в объяснения. – Речь идет о феномене телесности. На мой взгляд, тело необходимо сохранить и после смерти, что дает ему шанс на последующее воскресение, пусть даже в некой новой реальности, отличной от реальности нашего мира.

– Не совсем понятно, – призналась Айман.

– Ведь если сохраненное зерно способно прорасти спустя многие годы, то почему нечто аналогичное не способно осуществить сохраненное человеческое тело?

– Согласна. В этом есть резон, – задумчиво сказала Айман. – Если помнишь, как-то мы говорили с тобой об египетском проекте бессмертия. Этот самый проект в настоящее время реализуется в форме криогенных технологий.

– Причем, очень успешно, – Садыр оживился еще больше. – В чем суть криогенной заморозки? Предполагается интерпретация умершего, как уснувшего, которого рано или поздно можно будет вновь пробудить к жизни. Но меня интересует другой вопрос – это духовная составляющее.

– Согласна. То есть сами по себе телесные оболочки еще не тождественны исходной человеческой личности, поскольку, помимо телесного, необходимо реконструировать еще и духовное. Так?

– В том то и дело. Своеобразие нашего времени заключается, в том, что «египетское» преодоления смерти, как никогда, близок к своему осуществлению. Речь идет о клонировании

человека – последнем продукте генной инженерии, потенциально позволяющем вечно сохранять телесные оболочки умерших путем их воспроизведения. В этом я уверен, – не без волнения заключил Садыр.

– Садыр. Меня не покидает мысль о возможностях этой технологии. Ведь следующим этапом может стать расшифровка генетической предыстории ныне живущих индивидов, что в буквальном смысле позволит воскресить телесные оболочки их отцов, воссоздав тем самым копии копий, а затем – дедов, прадедов и далее.

– Знаешь, Айман. Как специалист по клонированию, хочу отметить, что, сейчас, умершую личность нельзя извлечь из небытия, равно как подарить ей вторую жизнь.

– Ты в этом уверен?

– Единственное, что позволяет реально осуществить клонирование, – воссоздать некий живой памятник, который будет символизировать умершего, вследствие полного с ним генетического сходства, – сказал Садыр.

– Как, впрочем, каменный памятник, поставленный в честь какой-либо великой личности?

– Ну, типа того, – уклончиво ответил Садыр.

– Ты так думаешь? Или же так предполагают ученые? – спросила Айман. – Памятник – это лишь попытка конструирования иного, более прочного тела, аналогичного живому, но отнюдь ему не тождественного. Так?

– М-да...

– Структурируя человека из бронзы или из мрамора, скульптор, по существу, транслирует его образ в вечность, ведь мраморные или бронзовые изваяния способны пережить века. В этом аспекте, клон – это и есть образ умершего, транслируемый в вечность. Ты это хочешь сказать?

– В той или иной мере, – снова уклончиво ответил Садыр. – Сейчас в мире идет попытка функционально приблизить памятник к биологическому «исходнику», сделав его подвижным, мыслящим и в конечном итоге реально существующим.

– Каким образом? – спросила Айман.

– Ну, скажем, воссоздать процесс человеческого мышления, постигнув его сущность и механику, мы тем самым получаем возможность воссоздать человеческую душу, то есть технически воссоздав мыслительный процесс соответствующего индивида, – ответил Садыр.

– То есть, по сути, это отнюдь не клон, копирующий умершего индивида исключительно внешне, а это компьютерная программа, загруженная информацией, наличествующей в человеческой памяти на момент смерти, и способная в точности имитировать процесс человеческого мышления, – рассуждала Айман.

– Да, верно, – согласился Садыр. – Поверь, человечество сегодня стоит у порога реализации всех своих основных проектов преодоления смерти. Через некоторое время, возможно, будет воссоздавать не только тело человека путем его клонирования, но и душу путем считывания, закачивания и копирования информации, заключенной в человеческой памяти.

– В этом случае, «душа» может существовать вне тела, скажем, в пространстве Интернета как соответствующая компьютерная программа. Так?

– Да! Равно как существование тела без «души», скажем, в форме клона с чистым сознанием, куда не закачивается информация о прошлых жизнях индивида.

– Это уже интересно, – оживилась Айман. – Представь себе, что возможны даже совершенно невероятные вариации. Так?

– М-да....

– Допустим, вернуть прошлое. Ведь возможно клонировать тела, о которых сохранилась определенная генетическая информация.

– Ты имеешь в виду воссоздание информационной составляющей предков?

– Впрочем, да, – не совсем уверенно сказала Айман и в следующий миг горячо заговорила: – Ведь возможно предположить, что когда-нибудь восстановление информационной составляющей индивида можно будет осуществлять по сохранившимся после него фрагментам и обрывкам информации.

– Конечно! – воскликнул Садыр и продолжил. – В этом отношении наибольшие шансы на восстановление имеют творческие люди, оставившие после себя огромные пласты информации в виде литературных и научных данных.

– Насколько такой проект реален?

– Как специалист по клонированию могу сказать, что для соответствующего материала клонирования целесообразна некая информационная экология, – сказал Садыр и поправился. – Разумеется, с учетом интересности или пригодности для ныне живущих воссоздания информационной составляющей исторических личностей.

– Как генетик, хочу заметить, что в мире уже созданы специальные хранилища, где будет аккумулированы миллионы генетических материалов.

– Вот в том то и дело. Они необходимы для того, чтобы иметь в будущем практическую возможность их воссоздания посредством клонирования.

Разумеется, абстрагируясь от технической стороны дела, которая, в свете современных технологий геной инженерии и искусственного интеллекта, уже не представляется абсолютно непреодолимым препятствием, следует сосредоточиться на морально-этической стороне вопроса.

– Конечно, трудно предположить, что биоинформационное прошлое будет восстановлено реально, во всех деталях. Однако его можно будет восстановить виртуально. В результате мы получим некую версификацию той или иной личности. Ведь так? – не унималась Айман.

– Допустим, что мы клонировали великую личность. Однако, им, то есть великим личностям своего времени придется совершить непонятный прыжок через тысячелетия. В этом случае, нет гарантий того, что воскрешенные личности в точности повторять свою уже осуществившуюся жизнь, эволюционируя в ином направлении. Это очевидно! – почти вскричал Садыр.

– Садыр. Успокойся! Ты читал «Феномен человека» Пьера Тейяр де Шардена?

– Да. Что ты хочешь сказать?

– Так вот он пишет: – «В себе „Я“ абсолютно суверенно, потому что оно единственно. Никто не может непосредственно включиться в процесс мышления индивида, и если это все-таки случается, то это уже безумие».

– И что? – вопрошал Садыр, но в следующий момент он задумчиво сказал: – Вот почему, ученые всего мира утверждают, что клонирование и искусственный интеллект – это начало конца человечества. Именно поэтому ООН настоятельно призывает человечество отказаться от клонирования человека.

– Однако.... Садыр. – Человеческая телесность и духовная индивидуальность рано или поздно будет преодолена самим человеком, потому что такова наша историческая судьба. Ты с этим согласен?

– К сожалению, да!

– Знаешь Садыр. В последнее время заговорили о ДНК-воскрешении. Как по твоему, что может восстановить прежнее «Я»? Еще раз хотелось бы услышать твой ответ на вопрос: при клонировании человека возможно повторение «Я»?

– Конечно, нет. Клонируют тело, а не личность, то есть «я», – отвечал Садыр. – В процессе жизни и, соответственно, формирования «Я», у каждого человека в индивидуальном порядке формируется ЦНС с индивидуальным переплетением синапсов нейронов.

– Но, а как быть с фактами? – не унималась Айман. – Наука утверждает, что все особенности организма («переплетением синапсов нейронов») формируются до рождения человека, а не в процессе его жизни. Получается «Я» не связано с телом?

– Нет погоди. Конечно, связано, как программист связан с компьютером. Но ведь замена компьютера совершенно не означает замену программиста. Правильно?

Спор еще долго продолжался, все больше заворачиваясь как спираль вокруг основной темы – можно клонировать человека или нет? Если да, то каковы его параметры и возможности? Научный интерес, любопытство, которым Айман и Садыр просто светились в то время, несмотря на все их старания его скрыть, настраивала их еще больше на дела, уже входящие в их совместный план. Они были убеждены в своей правоте, силе, которую уже держали, подобно сабле, в ножнах, а их руки уже покаялись на рукояти.

Разумный оптимизм

2001 год. Исфана. Айман и Садыр выехали на автомобиле в Баткен, а дальше им предстоял вылет на рейсовом самолете Баткен-Бишкек. Ровная, только что завершенная автотрасса Исфана-Баткен, располагала на неторопливую беседу.

– Айман. А ты читала обращение Билла Клинтона в Национальную консультативную комиссию по биоэтике?

– О клонировании человека?

– Да. Знаешь Айман. Такой разворот проблемы клонирования вполне было ожидаемым. Дело в том, что известие из Шотландии об успешном эксперименте по клонированию, в котором использовались ядра соматических клеток и в результате получена вполне нормальная овца, заставило многих ученых и руководителей государств осознать, что общество снова стоит перед выбором – использовать или запретить такую могущественную репродуктивную технологию.

– Действительно, случай клонирования овца Доли заставило общество более серьезно осмысливать проблему клонирования человека, – заметила Айман. – Однако, обрати внимание на то, что негативная реакция по большей части сводится к беспокойству о детях, об ущемлении их чувства индивидуальности и личной автономии.

– Впрочем, это только часть проблемы, – задумчиво произнес Садыр. – На мой взгляд, более опасным является возможная реализация евгенических проектов, рассматривающих человека не как личность, а как объект для манипулирования.

– Конечно же, подходы и аргументы разные. Айман оживилась: – А каково твое мнение на счет рекомендаций комиссии?

Садыр вынул из кейса папку с бумагами. – Вот послушай. Комиссия рекомендует твердо придерживаться моратория на финансирование опытов по клонированию. Использование метода переноса ядра соматической клетки и дальнейшей имплантации в тело женщины рассматривать как безответственное, неэтичное и непрофессиональное деяние.

– Садыр. Об этом я знаю. Меня интересует твое мнение.

– Мое мнение?

– Да, твое личное мнение.

– Ну, что ж, слушай. Я считаю, что не требуется принятия новых актов, регулирующих клонирование ДНК и клеточных линий человека, поскольку эти области исследований уже привели к значительным достижениям в биомедицине и ни одна из них не вызывает ни научных, ни этических вопросов.

– То есть ты за продолжение опытов?

– Да!

– А знаешь, Садыр. В Душанбе, я побывала в лаборатории профессора Соимназора Разви.

– А...а... Это тот, который оппонировал тебя на твоей защите?

– Да, он самый, – подтвердила Айман и продолжила: – Так вот, на стене своего кабинета он вывесил «Декларацию в защиту клонирования и неприкосновенности научных исследований», которую подписали Лауреаты Международной академии гуманизма. Кстати, я могу дать тебе копию этого воззвания. Наиболее важные моменты я подчеркнула.

– Я знаком с этим документом, – сказал Садыр, беря в руку лист с текстом Декларации. – Но мне интересно, какие же моменты тебе показались важными, – засмеялся он.

ДЕКЛАРАЦИЯ в защиту клонирования и неприкосновенности научных исследований.

Мы, нижеподписавшиеся, приветствуем сообщение о крупных успехах в клонировании высших животных. На протяжении нынешнего столетия физические, биологические и науки

о поведении существенно расширили возможности человека. Их достижения, в основном, способствовали колоссальному возрастанию человеческого благополучия. Когда же новые технологии порождали вполне правомерные этические вопросы, человеческое сообщество в целом демонстрировало готовность встречать эти вопросы открыто и искать такие ответы, которые направлены на общее благо.

Клонирование высших животных действительно ставит этические проблемы. Поэтому необходимо разработать соответствующие директивы, которые позволят предотвратить злоупотребления, в то же время сделав максимально доступными выгоды клонирования. Эти директивы должны как можно больше учитывать автономию и выбор каждого отдельного человека. Необходимо также предпринять все меры, чтобы сохранить свободу и неприкосновенность научных исследований. Никто еще не продемонстрировал умение клонировать человека. Однако сама возможность того, что современные достижения могут открыть путь к клонированию, вызвала град протестов. Мы с беспокойством отмечаем широко распространяющиеся призывы остановить, не финансировать или прервать исследования по клонированию, которые исходят из таких различных источников, как президент США Билл Клинтон, президент Франции Жак Ширак, бывший премьер-министр Великобритании Джон Мейджор и представитель Ватикана.

Мы верим, что разум – самое мощное средство для распутывания проблем, с которыми сталкивается человечество. Но в недавнем потоке нападок на клонирование разумные аргументы – крайняя редкость. Критики увлечены поиском параллелей с мифом об Икаре и «Франкенштейном» Мери Шелли, предсказанием ужасных последствий в случае, если исследователи отважатся посягнуть на вопросы, ответы на которые «человеку знать не положено». За наиболее грубой критикой, видимо, кроется допущение, будто клонирование человека поднимет более глубокие моральные проблемы, чем те, которые возникали в связи с любым предшествующим научным или техническим достижением.

Какие же моральные проблемы может породить клонирование человека? Некоторые религии учат, что человеческие существа фундаментально отличны от других млекопитающих – что божество наделило людей бессмертными душами, придав им ценность, несравнимую с ценностью других живых существ. Утверждается, что природа человека уникальна и священна. Научные достижения, которые могут изменить эту «природу», встречают гневный протест.

Как бы ни были глубоки догматические корни таких идей, мы спрашиваем, должны ли они учитываться при решении вопроса о том, будет ли позволено людям пользоваться благами новой биотехнологии. Насколько может судить научная мысль, вид *Homo sapiens* принадлежит к царству животных. Способности человека, как представляется, только по степени, а не качественно отличаются от способностей высших животных. Богатство мыслей, чувств, упований и надежд человечества возникает, по всей видимости, из электрохимических процессов в мозге, а не из нематериальной души, способы действия которой не может обнаружить ни один прибор. Поэтому нынешние дебаты по поводу клонирования заставляют прежде всего задаться таким вопросом: действительно ли защитники сверхприродных или религиозных аргументов имеют достаточно серьезную квалификацию для участия в этих дебатах? Конечно, каждый имеет право быть услышанным. Но мы считаем, что существует вполне реальная опасность приостановки исследований, несущих огромные потенциальные блага, исключительно из-за их конфликта с религиозными верованиями некоторых людей. Важно понять, что подобные религиозные возражения уже возникали по поводу вскрытия людей, анестезии, искусственного оплодотворения и всей генетической революции наших дней – и, тем не менее, каждое из этих достижений принесло огромные блага. Тот взгляд на природу человека, который коренится в мифическом прошлом человечества, не должен быть нашим главным критерием при принятии моральных решений о клонировании.

Мы не видим в клонировании высших животных, исключая человека, каких-либо неразрешимых этических дилемм. Не считаем мы очевидным и то, что будущие достижения в клонировании человеческих тканей и даже человеческих существ создадут моральные затруднения, которые не сможет разрешить человеческий разум. Моральные проблемы, порождаемые клонированием, не крупнее и не глубже тех, с которыми люди уже сталкивались по поводу таких технологий, как ядерная энергия, рекомбинантная ДНК или компьютерное моделирование. Они просто новые.

Исторически выбор луддитов, стремившихся повернуть часы истории вспять и ограничить или запретить применение уже существующих технологий, никогда не бывал ни реалистическим, ни продуктивным. Потенциальные выгоды клонирования, возможно, столь велики, что было бы трагедией, если бы древние теологические сомнения заставили нас как луддитов его отвергнуть. Мы призываем к последовательному, ответственному развитию технологий клонирования и к самой широкой поддержке гарантий, что традиционалистские и обскурантистские воззрения не станут ненужным препятствием на пути полезных научных изысканий.

Лауреаты Международной академии гуманизма: Питер Адмираал, доктор медицины, Нидерланды; Рубен Ардилла, психолог, Колумбийский национальный университет, Колумбия; сэр Исайя Берлин, почетный профессор философии, Оксфордский университет, Великобритания; сэр Херман Бонди, член Королевского общества, бывший глава колледжа Черчилля, Кембриджский университет, Великобритания; Берн Буллоу, профессор сестринского дела, университет штата Калифорния в Нортридж, США; Марио Бунге, профессор философии науки, университет МакГилл, Канада; Бернард Крик, почетный профессор политики, колледж Бирбек, Лондонский университет, Великобритания; Френсис Крик, лауреат Нобелевской премии по физиологии, институт Солк, США; Ричард Докинз, профессор по восприятию науки обществом, Оксфордский университет, Великобритания; Хосе Дельгадо, директор Центра нейробиологических исследований, Испания; Пол Эдвардс, профессор философии, Новая школа социальных исследований США; Энтони Флю, почетный профессор философии, университет Ридинг, Великобритания; Йохан Галтунг, профессор социологии, университет Осло, Норвегия; Адольф Грюнбаум, профессор философии, Питтсбургский университет, США; Херберт Хауптман, лауреат Нобелевской премии, профессор биофизических наук, университет штата Нью-Йорк в Баффало, США; Альберте Идальго Тюньон, президент Философского общества Астурии, Испания; Сергей Капица, заведующий кафедрой, Московский физико-технический институт, Россия; Пол Курти, почетный профессор философии, университет штата Нью-Йорк в Баффало, США; Джералд А. Лару, почетный профессор археологии и библейских исследований, Южнокаалифорнийский университет в Лос-Анджелесе, США; Телма З.Лэйвайн, профессор философии, университет Джорджа Мейсона, США; Хосе Лейте Лопес, директор, Бразильский центр физических исследований, Бразилия; Таслима Насрин, писатель, врач, социальный критик, Бангладеш; Индумати Парикх, реформатор и активист, Индия; Жан-Клод Пекер, почетный профессор астрофизики, Коллеж де Франс, Академия наук, Франция; У.В.Куайн, почетный профессор философии, Гарвардский университет, США; Дж. Дж. С. Смарт, профессор философии, университет Аделаиды, Австралия; В.М.Таркунде, реформатор и активист, Индия; Ричард Тейлор, почетный профессор философии, университет Рочестер, США; Симона Вейль, бывший президент Европейского парламента, Франция; Курт Воннегут, писатель, США; Эдвард О. Уилсон, почетный профессор социобиологии, Гарвардский университет, США.

– Айман. Я бы этот документ с твоими акцентами подписал бы не задумываясь, – засмеялся Садыр.

– Так, ты подпишись. Вот тебе ручка, – рассмеялась Айман.

– А знаешь, Айман. Была одна разумная статья в журнале «Человек». Написал ее юрист – профессор Иойрыш Абрам Иссаакович. Статья называется «Давайте успокоимся». Вот, что пишет автор, ссылаясь на опыт цивилизации. «...Несмотря ни на какие запреты, в ближайшем будущем будет разработана технология для производства копий взрослых людей, и общественность может узнать о результатах таких работ лишь по их завершению. Бесплезно запрещать развитие науки. Никакую Конвенцию или Декларацию все равно не будут соблюдать...».

– Значит, клонированию человека быть?

– Это обязательно случится, – уверенно сказал Садыр и заговорщицки добавил. – Наша лаборатория работает в этом направлении. Разумеется, не афишируя свою деятельность.

– И это, несмотря на возражения по поводу этической стороны дела? – с удивлением спросила Айман.

– Айман. О каких возражениях ты говоришь?

– Ну, к примеру, становление человека, как личности, базируется не только на биологической наследственности, оно определяется также семейной, социальной и культурной средой.

– Согласен, – закивал Садыр. – При клонировании индивида в той или иной мере, возможно, воссоздать соответствующие условия воспитания и обучения, которые сформировали личность его прототипа.

– А вот другой пример. При бесполом размножении изначально жесткая запрограммированность гено типа предопределяет меньшее разнообразие взаимодействий развивающегося организма с изменяющимися условиями среды.

– Тоже согласен. Этот вопрос также разрешим в той или иной мере.

– А как? – удивилась Айман.

– Например, для клона возможно создание так называемых тепличных условий.

– То есть клонирование человека все-таки возможно?

– Айман. Понимаешь, те нравственные заповеди, которыми человечество пользуется века, к сожалению, не предусматривают новых закономерностей и возможностей, какие вносит в жизнь современная наука. В этой связи, необходимо обсуждать и принимать новые законы общежития, учитывающие новые реальности.

– Я тебе верю, Садыр. Ты специалист в этом деле, мне нравится твой разумный оптимизм.

– Спасибо! Вот, что я тебе скажу: Безудержно оптимистическую позицию, как мне представляется, занимают только люди, плохо знающие вопрос. Я знаю и проблему, и психологию научного поиска. Чем интереснее и опаснее проблема, тем больше страстности научного поиска. Вот так то.

Разумный оптимизм..... Философы считают, что высшим достижением интеллекта является открытие, что решительно все можно вывернуть наизнанку и превратить в собственную противоположность. В этом плане, иллюзию нельзя превратить в реальность. Потому не следует пытаться перехитрить искаженный мир. Он недоказуем, но он просто есть. А то, что уже есть, не требует доказательств. Доказательство истинно только для самого себя, а потому не свидетельствует ни о чем, кроме наличия доказательств, а это ничего не доказывает.

Религиозный догматизм

2001 год. Баткен. Зал ожидания аэропорта был до отказа забит людьми, среди которых выделялась небольшая группа паломников, именуемых даватчы. Из толпы их выделяла не только бороды, у кого иссини черные, у кого седые, но и разношерстное одеяние. Не поймешь, то ли халаты, то ли удлиненные рубахи. Вот эта группа без зазрения совести просто оккупировала одну часть зала. Встав в два ряда, расстелив свои молитвенные коврики, они молились.

До вылета самолета оставалось еще два часа. Садыр и Айман решили пройти в чайхану, что недалеко от аэропорта. В жаркий летний полдень, чайхана был единственным местом, где можно было посидеть в тени старой чинары и наслаждаться терпким зеленым чаем. На соседнем топчане разместились молодая семья, тоже видимо, ожидающая самолет. Глава семейства – молодой мужчина в таком же одеянии, как у паломников, на подбородке жидкая в три-четыре волосинки, борода. Жена его, а также две девочки примерно семи и пяти лет, укутаны в чадру, с единственной разницей – мама в черную, а девочки – в белую.

Глава семейства вслух прочитал молитву «... Нет Бога, кроме Аллаха одного! Нет равного Ему. Ему принадлежит власть, Слава Аллаху. Он дарует жизнь и Он умертвляет, а Сам живет, не умирает, в Его руке добро. Он самый Всемогуший...», а затем еще минут десять тихо долдонил дуа и только потом семья приступила к чаю.

– Айман. Вот ты знаешь об Ибн Сино все. Он был искренне верующим? – тихо спросил Садыр.

– Скорее он был безбожником, – ответила Айман. – Все его философские труды говорят о том, что в Бога он не верил.

– Но свои книги он начинал и заканчивал словами благодарности Аллаху. Разве не так?

– Когда теологи ссылаются на его высказывания о Боге, о религии, меня иногда передергивает, – возмутилась Айман. – Это, чистейшей воды спекуляция. Неужели, он – величайший гений всех времен и народов, сумевший силой своей мысли объяснить глобальные законы мироздания, верил в Бога?

– Мне, как ученому также не хотелось бы в это верить. Хотя, факт остается фактом. Эйнштейн действительно был верующим. Как такое могло быть?

– Вполне допускаю, что даже гениальная мысль Эйнштейна возможно «уперлась» в необъяснимое глобального характера. Потому, до поры до времени он, вероятно был вынужден допустить самому себе иррациональное толкование. Как, впрочем, и Ибн Сино.

Как и Айман, Садыр всегда был убежден в том, что догматы мусульманской, а, впрочем, и христианской, католической, иудейской церкви беспочвенны, толкование их схоластично, а законы сковывают всякую свободную мысль. Но сейчас ситуация обострилась настолько, что есть угроза развала науки, культуры, образования.

– Медицина сейчас погрязла в бездуховности, – возмущалась вслух Айман. – Медики почти теряют не только сакральность, но и элементарное доверие, и уважение в обществе. А тут еще и религия со своим иррациональным подходом ко всему, что затрагивает ее интересы.

– Надо полагать, активизация деятельности экстрасенсов различных мастей, костоправов, шаманов, знахарей – это признак несостоятельности здравоохранительной политики государства.

– Разумеется, это верный показатель падения престижа официальной медицины и его людей. Причем, никто системно не борется с их проявлениями. А это следует расценивать как наше попустительство иррациональному восприятию мира.

Вот такие мрачные мысли одолевали Садыр и Айман при виде медиков, втянутых в религию. Им хотелось бы надеяться, что они разберутся не столько в вопросах – верить им в Аллаха

или нет, сколько придут к пониманию, что не следует слепо воспринимать постулаты и догмы Ислама. Иначе, им придется поверить и в то, что земля плоская, а звезды вращаются вокруг нас, и что Аллах создал нас из глины, а мир сотворил за семь дней. А процесс то запущен. Не трудно будет себе представить, как студенты-медики будут заучивать ритм сердца, как звучание «Аллаху-акбар, Аллаху-акбар Аллаху-акбар Аллаху-акбар Аллаху-акбар...» или же, как звучание «Ман-ас, Ман-ас Ман-ас Ман-ас.... Даже дело дошло до того, что в стенах медвуза создали моленные комнаты (!?). Мракобесие и параноя, да и только!

Попив чаю, молодая семья верующих вновь минут десять долдонили на арабском молитву и лишь потом пошли своей дорогой. Вот так, даже на многотысячных айт-намазах, муфтий и его имамы говорят заученные вещи, густо перемешивая свою речь словами из Корана. Между тем, ничтожное число людей, слушающих его проповедь, понимают смысл арабской речи, но все собравшиеся на айт-намаз, как один, стелясь ничком, повторяют за ним раз за разом «О-омин!», как бы подписываясь под каждую строчку его речи. Парадокс в том, что не каждый государственный деятель или академик может, похвалится тем, что может так владеть умами и сердцем многотысячной толпы людей. О, сколько у него в это время высокопарности, экстаза. Еще бы. Перед ним целое море людей, внемлющих малейшим его интонациям.

– Ислам берет свое и в медицине, которая, как известно, всегда была самым последовательным и самым грамотным оппонентом любой религии, – вслух размышляла Айман. – Медики, как никто понимают суть человека как психо-био-социальное существо и очень обидно, когда они сами вдруг начинают долдонить всякую религиозную чушь, вопреки всем канонам медицины.

– Согласен. Им бы вспомнить свою высокую миссию – исправлять недостаток природы, которую в религиозной среде не могут ни отрицать, ни проигнорировать, ссылаясь на один из хадисов о том, что Аллах создал человека, а затем врачам вложил в руки нож, чтобы они могли переделывать его творение. Разве это не признание медицины?

– Даже в те далекие времена, когда процветал религиозный фанатизм, Ибн Сино вскрывал трупы, чтобы постичь природу болезней, оперировал, чтобы излечить недуг. А сейчас... – махнула рукой Айман. – А знаешь, что самое обидное? Это то, что священнослужители прямо и без обвиняков отвечают на вопрос «как постичь Аллаха?» – Смотреть на мир, ничего при этом не анализируя.

– Согласен. Это странный тезис, – задумался Садыр. – А ведь мало кто из последователей Ислама задумывается над этим, молча и безропотно штудируя священный Коран, в которой говорится о том, что человек появился раньше растительного и животного мира.

– Смешно и грустно, когда даже ученые сами твердят «Если позволит Аллах», «Дай Бог!», «Слава Аллаху!». Но самое страшное то, что народ заблуждается, когда снисходительно относится к росту религиозности в обществе. Некоторые думают, что, мол, пройдет пятнадцать – двадцать лет, всё образуется, повысится образовательный и культурный уровень людей, они сами рассудят, где и с кем быть. Но это бесплодные надежды. Это иллюзия! – возмутилась Айман.

– Вот посмотри на тех даватчы. Именно они, за счёт отработанных до тонкостей технологий агитации и пропаганды, оболванивают народ.

– А ты знаешь, меня почему-то не покидает тревога. Что-то должно произойти – вражда, ненависть, упадок, гибель. Вера верой, но лишь бы не заболели всеобщей дереализацией мира. А ты знаешь, каковы признаки этой болезни?

– Представляю. Мир станет неотчетливым, странным, тусклым, застывшим и безжизненным. На фоне Аллаха мирская суeta покажется чем-то мелким и не нужным. Да и сама настоящая жизнь станет ложной, а истинная жизнь «переместится» почему-то в мир иной.

– Вот-вот. Так и хочется крикнуть: Опомнитесь! Для чего вы явились в этот мир? Вы же дитя природы, а не комок грязи! – возмущалась Айман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.